

ОСОБЕННОСТИ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЦЕВ-КОЛОНИСТОВ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

А.В. Мирошниченко

Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт»
просп. Победы 37-20, Киев, Украина

Специфика образовательно-воспитательной деятельности немцев-колонистов различных конфессий (лютеран, католиков и менонитов) в южных регионах Российской империи в XIX в. заключалась в сохранении моральных принципов и традиций внутри общины, а также насыщенности содержания образования профессиональной направленностью, которая, несмотря на нестабильность политической ситуации, способствовала подготовке кадров, внесших достойный вклад в развитие экономики, науки и культуры страны. Таким образом, не утрачивает своей актуальности педагогическое наследие различных этносов в истории развития и становления современной системы образования.

Ключевые слова: конфессиональное образование, немцы-переселенцы, колонистские школы, управление образовательно-воспитательным процессом, реорганизация учебных заведений.

Просветительский опыт немецкого этноса оставил заметный след в педагогической деятельности других национальных групп: украинцев, русских, татар и др. Тенденции современной педагогической науки характеризуются отражением становления и развития интегрированного подхода к образовательно-воспитательному процессу в виде оптимального сочетания классического наследия, использования позитивного национального и регионального опыта, особенностей исторического развития, дающих возможность влиять на состояние и содержание образования на основе поликультурности.

Изучение развития образования этнических и этноконфессиональных групп различных регионов Украины представлено в исследованиях В. Надольской (Во-лынь), Л. Мисинкевича (Подолье), И. Мартинчука (Донецкий регион), М. Исмаилова (Южно-Украинский регион), Л. Тутик, И. Задерийчук, О. Правдюк (начальное образование в немецких колониях); историческому анализу проблем национальных меньшинств посвящены работы И. Кулинича и Б. Чирко; отдельные проблемы немецкого этноса отражены в трудах украинских, российских, польских и немецких ученых С. Бобылевой, Е. Безносовой, В. Чеботаревой, И. Черказьяновой, П. Фризена, П. Брауна, И. Унру, А. Клауса и др.

Цель статьи — раскрыть специфику образовательно-воспитательной деятельности немцев-колонистов различных конфессий в южных регионах Российской империи в XIX в.

Основная задача данного исследования заключается в сравнительном анализе организации образовательного процесса у немцев-колонистов различных конфессий, населявших южные регионы Российской империи в XIX в., духовные, куль-

турные и социальные механизмы его функционирования, а также в оценке вклада в современную педагогическую науку.

До начала XIX столетия немецкая школа сохраняла черты, данные ей реформационным движением, так как руководителями народного образования были пастеры, пасторы и проповедники, а община только давала средства на содержание школы и оказывала влияние на внутренний распорядок. Ученики обучались чтению по религиозным книгам, немного изучали письмо, счет, библейскую историю, учили наизусть катехизис, молитвы, церковные гимны, тексты из Библии и Евангелия, нравственные изречения. Таким образом, элементарное образование было доступно для широких масс населения.

Примерно в таком виде немецкая общеобразовательная школа была перенесена и в колонии на территории Российской империи. Протестантские пасторы, католические пастеры и менонитские духовные наставники-проповедники практически с самого начала переселения ведали вопросами образования в своих колониях. Еще до переселения немцев в Российскую империю было особо оговорено, что при поселении колонистов будет учитываться их религиозная принадлежность, чтобы предотвратить вражду и неприязнь между поселенцами различных конфессий.

Первые переселения длились довольно долго, год-два, и, как правило, с зимовкой. Размещение переселенцев на зиму по крестьянским домам не было приятно хозяевам, однако переселенцы были не бесплатными квартирантами, а относительная дешевизна продуктов позволяла им экономить на водку, что сближало их с хозяевами и ускоряло изучение русского языка.

Обремененные дорожными заботами переселенцы даже во время пути не забывали о воспитании своих детей. Общеизвестен пример того, что по дороге на Волгу в окрестностях Торжка на зимних квартирах было организовано обучение детей [1], так как среди колонистов почти всегда были учителя или бывшие студенты. Переселенческие партии прибывали в Российскую империю из разных германских земель и поэтому первые немецкие колонии были конфессионально смешанными, так как самовольные переселения колонистов с места на место или не допускались, или были затруднены по разным причинам.

Но даже при поддержке государства строительство школ на первых порах было колонистам почти не под силу, и часто дети занимались в молитвенных домах либо на дому учителя (*Schulhalter*, *Schulmeister*) или пастора, хотя для немецко-переселенцев царское правительство всегда пыталось в первую очередь строить школу и молитвенный дом. Особенно выделялись при этом *менониты*, религиозные убеждения которых предусматривали совместное обучение мальчиков и девочек, которое было обязательным для детей в возрасте 7—12 лет, а школы сохраняли национальную самобытность, даже несмотря на необходимость изучения русского языка.

У *менонитов* и *лютеран* потребность в обучении грамоте являлась прямым следствием их вероисповедных принципов и необходимостью самому читать Библию и другие священные книги. *Католики* отдавали предпочтение сначала строительству костела в колонии, а только затем школы, потому что католическое духовенство не ставило перед своими учителями таких высоких требований, как еван-

гелическое, поэтому и уровень подготовки учащихся в католических школах был ниже. На учителей часто возлагались и школьные, и религиозные, и писарские обязанности, бывало даже и так, что учитель, по настоянию общины, пас общественный скот [7].

В католическую колонию Кляйн-Либенталь, основанную в 1804 г., уже в 1807 г. приехал первый учитель Адам Эрк, но только в 1809 г. там было построено школьное здание. В контракте, заключенном Эрком с общиной, было написано, что ему «...надлежит вести три урока по две смены ежедневно, каждое воскресенье читать проповеди в течение одного часа, ежедневно трижды бить в колокол, учить детей читать и писать по-немецки и на латыни, решать простые арифметические задачи, подготовить трех мальчиков для служения мессы и шестерых для хора». Кроме того, «...он был обязан служить духовенству «по обычаям», не посещать трактир, вести себя «по достоинству», не читать запрещенные книги и не поддерживать связь с теми, кто их читает». И за все это Эрк получал содержание в 300 руб. в год.

В лютеранской *винодельческой колонии* Судак, образованной в 1804—1805 гг., в 1816 г. [10] числилось всего 16 швабских семей из Вюртемберга, в 1915 г. было 29 дворов и жило 164 человека. Но с самого начала существования этой колонии рядом с кирхой была организована немецкая школа, работавшая за счет колонистов даже после 1917 г., почти для всего населения винодельческого колхоза им. Ленина вплоть до депортации немцев в 1941 г. («Hoffnung» — газета общества «Видергебурт» немцев Крыма, № 7, 2003).

В Российской империи одноконфессиональными с самого начала организованного переселения немцев были только менонитские колонии. Однако конфессиональное назначение школы лишало ее возможности дать ученикам знания, которые требовались от светской школы того времени.

В 1815 г. ревизия училищ Саратовской губернии была поручена ординарному публичному профессору Казанского университета Фридриху Эрдману, который нашел эти училища «в весьма худом состоянии и приближающимися к совершенному упадку». Эрдман представил следующие рекомендации по исцелению недугов колонистских школ: повысить уровень образования учителей, так как приехавшие с первыми волнами переселения состарились, а подготовка новых не проводилась, и создать для этого учительский институт (Schulmeister Seminarium); учить не только зимой, но и летом; учителей обеспечить жалованьем и помощниками, и, «так как главная цель учения есть религия», учителей следует подчинить духовенству.

Сначала вопросами образования немцев в России занималась созданная в Петербурге *Канцелярия опекунства*, а с 1766 г. — ее отделение (контора) в Саратове, которая 2 июня 1815 г. издала для колоний школьный регламент, предписывавший, что «отныне не община, а пастор подыскивает учителя, экзаменует его или утверждает кандидатуру, предложенную общиной, которая, в свою очередь, заключает с учителем контракт». К концу XIX в. уже был введен порядок, что лицо, помогающее учительской должности, обязано подвергнуться испытанию по специальной программе перед собранием пасторов: знать библейскую историю и кате-

хизис, уметь читать понятно и с выражением, петь в хоре, хорошо писать и знать четыре арифметических правила. В испытание кандидатов в учителя, кроме соответствия довольно высоким требованиям общины по уровню знаний, входили и требования к моральным качествам и «чистоте вероисповедания», которые были решающими при приеме на работу, особенно у менонитов. В 1818 г. для колоний Юга России и Малороссии был создан специальный *Попечительский комитет по устройству колоний*, которому подчинялись три конторы: Екатеринославская, Одесская и Кишиневская, а Указом 25 октября 1819 г. заведование сельскими школами и наблюдение за учителями в колониях были возложены на приходское духовенство каждой конфессии.

Однако нехватка учителей между тем увеличивалась, что и вынудило епископа Саратовской консистории И. Фесслера обратиться в 1820 г. к правительству с предложением Эрдмана о создании учительской семинарии для колонистских детей. Но царские чиновники и не помышляли о каком-либо содействии в решении этой проблемы, потому что свободный немец-крестьянин, да еще и грамотный, был слишком опасным примером для неграмотного в своей массе крепостного российского крестьянина. Контора Опекунства предложила открыть и пять отдельных русских школ, но духовенство отвергло этот проект. Губернатор же усмотрел в этом решении синодального совета антирусские настроения, в результате чего консистория в 1834 г. была переведена в Москву, а епископ Фесслер отправлен в отставку.

Мысль о подготовке колонистских начальников и писарей, знающих русский язык, которую высказал сенатор Габлиц еще в начале XIX в., казалась правительству подозрительной, так как оно усматривало в этом возможность распространения революционных идей. Вопрос же о преподавании русского языка впервые был поставлен в 1833 г. саратовским губернатором Переверзевым, потому что «немногие из колонистов объясняются по-русски, а поэтому почитают себя германцами, не знают наших законов, полицейские требования исполняют медленно и приметно стараются избегать всякого сообщения с русскими».

Социальное положение учителя в немецкой колонистской школе было тяжелым, так как учитель был озабочен не только делами школы, но и в большей степени собственной судьбой. Поэтому стремление учителей жить без материальной нужды вело к тому, что они часто искали возможности дополнительного заработка. Но и как везде в Российской империи, на Украине учителя получали небольшое жалование. «Нередко учителем избирается тот, кто соглашается на меньшую плату», — отмечал академик Кеппен, ревизовавший Таврические колонии. Тем не менее это не освобождало колонистов от обязанностей содержать учителей и платить им сносное жалование, ведь материальное положение учителей было несравненно хуже, чем у священнослужителей различных конфессий [2. С. 126].

Развитию школьного дела в России способствовало открытие первых в России центральных училищ: в Екатериненштадте (1834), в Гримме (1866) и в Лесном Карамыше (1867) Саратовской губернии. Цель создания центральных училищ впоследствии была определена в инструкции министерства государственных иму-

ществ от 29 октября 1859 г., послужившей действующим законом для центральных училищ вплоть до 1917 г., под названием «Подготовка учителей со знанием русского языка для школ и распространение знаний русского языка в немецких колониях». Эти училища явились колыбелями нового, уже русского, поколения немецкой интеллигенции, которой было суждено продолжить дело просвещения колониетских масс, так как гимназии и университеты были им еще недоступны в основном из-за языкового барьера. Но, как ни туго шли дела с подготовкой в центральных училищах, они все-таки выпускали ежегодно хотя бы десятки «вкусивших от древа познания». В 1873 г. правительство установило потребность в двух типах средних учебных заведений: *гимназий* — хранилищ чистой науки и *реальных училищ*, подготавливающих молодежь к практической деятельности с довершением этого образования в высших специальных заведениях.

Монополизация духовенством системы начального образования исключительно через церковно-приходские школы в дальнейшем стала тормозом в развитии школьного дела, так как школа рассматривалась как учреждение исключительно церковное, «иного назначения не имеющее и иных целей преследовать не должное», а через воскресную школу осуществлялось дополнительное религиозно-нравственное воспитание.

В менонитских колониях Юга России и Украины школа, хотя и убогая, была открыта для подрастающего поколения всегда, так как общим правилом менонитских общин было равноправие мужчин и женщин, в том числе и на получение образования. В менонитских школах преподавалось чтение, письмо, первые четыре правила арифметики и священная история исключительно на немецком литературном языке, хотя между собой большинство менонитов, переселившихся из Западной Пруссии и низовья Вислы, говорило на диалекте «платдойч» (Plautdietsch). В донесении попечительского комитета министру государственных имуществ отмечалось: «Все колонисты умеют читать и писать по-немецки... в школах русского языка не учат, а кажется, меннониты не разорились бы нанять для обучения детей русского учителя».

Изучение русского языка до середины XIX в. не было обязательным, так как вся официальная переписка с властями велась на немецком языке, а в общении с окружающим населением можно было обходиться небольшим количеством русских и украинских слов. Бывали, правда, и исключения: так, например, известные менонитские учителя-проповедники Герхард Вилер, Иоганн Прицкау, Абраам Унгер хорошо владели и украинским языком; поэт, переводчик и библиограф Н. Гербель в 1854 г. перевел на немецкий язык «Слово о полку Игореве» («Igor, der Fuerst von Siversk» — «Игорь, князь Сиверский») и на русский язык произведения украинских авторов Т. Шевченко, И. Котляревского, Е. Гребенки, народные украинские песни; известны его переводы Д. Байрона, В. Шекспира, И. Гёте и Ф. Шиллера [4. С. 84].

К середине XIX в. менонитские хозяйства уже достаточно окрепли и благодаря льготам первых лет оставили далеко позади католиков и лютеран, несмотря на то, что учебный процесс в церковно-приходской колониетской школе «...пред-

ставляют вместе с колониями превосходный образец застывшей Германии XVIII века» [5]. Позднее церковная жизнь немецких колоний в Российской империи регулировалась законом от 28 декабря 1832 г., называвшемся «Управление духовных дел христиан протестантского вероисповедания», образцом для которого были прусские церковные законы.

Программа школьных занятий растягивалась на восемь лет, так как занятия продолжались с начала октября до конца марта. Учреждение частных школ запрещалось, особенно в колониях, где уже существовали церковные школы [2. С. 355]. Для упорядочения школьного образования в колониях были разработаны и в 1840 г. приняты «Правила о школьном и катехизическом учении в колониях», включенные в шестой раздел «О благочинии в колониях» Устава о колониях иностранцев в империи в виде примечания к статье 387 «Об обязанностях пасторов и пасторов в колониях». Для пастора были необходимы еженедельные плановые и внеплановые посещения школы и контроль религиозного воспитания детей в школе и дома. Школьный учитель (шульмейстер) был, как правило, в большинстве колоний не только лицом духовного звания (пастором), но и кюстером, кантором, органистом, преподавателем на занятиях конфирмантов и пр.

Кантор (руководитель церковного хора), хоть и считался церковным служащим, мог к лицам духовного звания не относиться, однако должен был иметь «поручительство в благонадежности» и назначался из числа «грамотных лиц, знающих хоральное пение» по согласованию пастора с членами церковных попечительств, так как большое значение в богослужении имела музыка и важным было обучение не только грамоте, но и церковному пению.

Кюстер (кистер) должен был помогать пастору во всем, что касалось церковного служения: отправлять богослужение в случае болезни или отсутствия пастора, совершать крещение, отпевание, погребение, сопровождать пастора в поездках, руководить пением общины и пр. В церковном уставе 1832 г. обязанностям и правам кюстера было посвящено лишь пять параграфов.

Шульцы (церковные старосты) и *шульмейстеры* (школьные учителя) избирались на общем собрании и наряду с хозяйственной общинной администрацией. Шульцы осуществляли функции «церковной полиции», наблюдая за поведением и образом жизни шульмейстеров.

Запрет на преподавание общеобразовательных предметов в колонистских протестантских церковных школах получил законодательное обоснование, и они сделались чисто конфессиональным институтом.

В католических колониях дело со школьным образованием обстояло хуже, чем в протестантских и менонитских. Здесь программ обучения не существовало, оно производилось в зависимости от взглядов приходского пастора или знаний местного шульмейстера, а занятия сводились к изучению молитв и церковного пения при совершении месс. Заставить учеников выучить катехизис, гимны, евангельские изречения было крайне трудно, и поэтому придумывались всякие «фокусы» для их вбивания в головы питомцев.

Основным недостатком в школьном деле было то, что на одного учителя приходилось очень много детей, поэтому, желая удивить свое начальство, шульмей-

стеры ежедневно заставляли учеников выучивать по несколько библейских рассказов — каждый по порядку выучивает две строчки из библейской истории, таким образом, они все вместе за полчаса выучивают целую историю. Когда одному из шульмейстеров указали, что заучивание наизусть по книге, без всякого осмысления, не побуждает детей к размышлению, он ответил: «Этим-то метод и хорош!»

В Молочанских менонитских колониях до Указа 1843 г. «О реорганизации школ» управление школами было в руках проповедников и старост. С 1843 до 1848 гг. школьным образованием занимался здесь *Иоганн Корнис*, прозванный менонитами «реформатором нашей школы» и составивший правила для школ Молочанского округа, перешедших по Указу в ведение общин. Исследователь русской общинной системы А. Гакстгаузен, осматривавший Молочанские и соседние колонии в сопровождении Корниса, в 1843 г. писал: «Едва ли есть хоть один менонит, не умеющий читать и писать. Едва ли есть надобность добавлять, что в каждом доме есть Библия, молитвенник и обыкновенно несколько учебных и назидательных книг». Книг было мало, причем они нередко переписывались от руки и передавались из поколения в поколение. Интерес к грамоте у менонитов был обусловлен тем, что каждый верующий должен был уметь читать религиозные книги, ведь огромное, чаще всего определяющее влияние на ценностную ориентацию любого народа в течение многих веков имела религия.

На Украине, как и в Поволжье, кроме школ начального (*Grundschule*) типа, каких было около тысячи, организованных в основном при кирхах и костелах почти в каждой колонии, существовали и школы повышенного уровня образования — *общеобразовательные центральные училища* (*Hauptschule* или *Realschule* по современной германской терминологии — Авт.). Жившие на Украине менониты первыми в Российской империи осознали потребность в организации как общеобразовательных центральных училищ, так и специальных средних учебных заведений (*Lehre,-Berufs,-Fachschule*): торговых, коммерческих, по подготовке учителей, женских и т.п. Первое на Украине центральное училище [9] по подготовке учителей и писарей было открыто еще в 1820 г. в колонии Орлов по инициативе И. Корниса, второе менонитское центральное училище было открыто в 1835 г. в красивой колонии Гальбштадт Бердянского уезда, т.е. раньше, чем в Поволжье.

Генрих Франц, много лет проработавший в начальной школе колонии Гнаденфельд, а затем в Хортицком центральном училище, внес значительный вклад в развитие школьного образования в менонитских колониях Украины: написал учебник по арифметике и составил книгу хоралов, под его руководством и при участии его ученика и преемника *Генриха Энна* школьное образование на Хортице стало лучшим среди менонитских колоний Украины. В среднем уровень образования немцев-переселенцев всех конфессий на Украине был выше, чем в других губерниях Российской империи [2].

Не хотели отставать от менонитов и немцы-колонисты других конфессий. *Юлиан Арндт* на Волыни в селе Березовка около Житомира в 1910 г. построил школу, которую впоследствии содержала его семья [4. С. 75], барон *Штейнгель* —

школу в местечке Городок под Ровно [8]. Богатый землевладелец *Фейн* построил в Пришибе Таврической губернии школу для детей католиков и лютеран. На основании Указа от 18 июня 1846 г. было открыто Пришибское центральное училище с целью «образовать учителей и писарей, сведущих в русском языке», — единственное, в котором обучались вместе мальчики и девочки (по примеру менонитов). Предметами преподавания были Закон Божий и священная история; грамматика русского и немецкого языков; арифметика; краткая всеобщая история и география; статистика Новороссийского края, краткий Устав о колониях иностранцев в Империи; хоральное пение и игра на органе; садоводство. Появление таких учебных заведений отвечало требованиям экономики колоний, стоявших к середине XIX в. у истоков капиталистического развития России.

Во второй половине XIX в. число центральных училищ значительно возросло, были открыты центральные училища в Сарате (Бессарабия) и Хортице, Гросс-Либентале, Страсбурге (Кучурганский округ), в колонии Мариинская Херсонской губернии. Только в Екатеринославской губернии были открыты центральные училища в колониях Павловка, Николайполь, Шенфельд и Грюнау, где готовили учителей начальных школ, кюстеров и волостных писарей, давая законченное среднее образование. В Крыму было 180 сельских немецких школ и два центральных училища — в Нойзатце (Красногорское) и Цюрихтале (Золотое поле) на востоке полуострова.

Однако, несмотря на это, на Юге России и на Украине, как и во всей России и в Поволжье, нагрузка на учителей школ в колониях оставалась очень высокой. Если к 1870 г. в ведении попечительского комитета находилось 304 школы, в которых работало 314 учителей и обучалось 30 873 ученика, то на одну школу в Херсонской губернии приходилось в среднем 135 учеников, в Бессарабской — 123, в Таврической — 75 и в Екатеринославской — 82. Так продолжалось до издания циркуляра Министерства народного просвещения 1891 г., который предписывал уже инспекторам народных училищ подбирать учителей для школ колоний.

Центральные училища содержались исключительно за счет доходов, отчислений от различных обществ, взносов просветительских учреждений и пожертвований меценатов. Например, в Нойфридентале было создано образовательное общество, в задачи которого входил сбор средств для содержания среднего училища, в котором было 6 учителей и 75 учеников, с курсом первых четырех классов реального училища. Это общество также проводило собрания, беседы и различные увеселительные мероприятия для взрослых колонистов [7].

Во многих колониях уделялось внимание социальному обеспечению — строились специальные школы для больных детей (глухонемых, слепых и др.), богадельни для душевнобольных и престарелых и др. Например, в Вормском училище для глухонемых в 1910—1915 гг. обучалось более 30 учеников [3; 6]; за 25 лет в Гросс-Либентале в учебном заведении для глухонемых детей разных вероисповеданий получили образование 162 ученика [5].

Летом 1868 г. в Одессе состоялся съезд представителей всех колоний Юга России для рассмотрения положения об этих училищах, который нашел положение дел не удовлетворяющим требованиям колонистов и определил цели училищ:

распространение среди колонистов знания русского языка для активного участия в экономической жизни; подготовка учителей для сельских школ, писарей и должностных лиц для общественной выборной работы.

Съезд распределил колонии по девяти учебным округам с учетом территориальных особенностей и материального положения. Для развития школьного дела был создан фонд и установлен сбор со всего приписанного к училищам населения. Съезд определил количество училищ, их местонахождение, штатное расписание и средства для реализации этого плана, согласно которому одним из первых было открыто центральное училище в колонии Гросс-Либенталь. Но самое главное было в том, что съезд отстранил местное духовенство от управления центральными училищами, оставив ему только право преподавать Закон Божий. Это была для того времени прогрессивная и продуманная педагогическая система, связывающая сельскую школу каждой колонии с центральным училищем на один или несколько округов и учительскую семинарию в Одессе. Постепенно школьное образование в немецких колониях Украины утрачивало свою исключительно конфессиональную направленность и подчиненность, что способствовало появлению на Украине кадров, которые внесли достойный вклад в развитие экономики, науки и культуры Украины.

Оценивая специфику образовательно-воспитательной деятельности немцев-колонистов различных конфессий в южных регионах Российской империи в XIX в., приходим к убеждению, что ключевую роль в их педагогической деятельности играло сохранение моральных принципов внутри общины, насыщенность содержания образования принципами патриотизма и профессиональной направленности, что, несмотря на нестабильность политической ситуации, могло бы стать ценным вкладом в современную педагогическую науку.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бондарь С.И.* Секта меннонитов в России и ее связи с историей немецкой колонизации на Юге России. — Петербург, 1916.
- [2] *Дитц Я.Е.* История поволжских немцев колонистов. — М.: Готика, 1997.
- [3] *Кулинич І.М., Кривець Н.В.* Нариси з історії німецьких колоній в Україні. — К.: Ін-т історії України НАН України, 1995.
- [4] Німці і німецька культура в Україні (українською, німецькою, англійською мовами) / 2-ге науково-популярне видання, перероблене і доповнене. — Державне підприємство «Міжнародна агенція «Україна-Арт», «Гуманітарний дім», ТОВ Д.В. К., Київ, 2003 р.
- [5] *Тутик Л.С.* Школьное образование в немецких и меннонитских колониях Екатеринославской губернии (конец XVIII — первая половина XIX века) // *Материалы украинско-германской конференции «Вопросы германской истории. Немцы в Украине».* — Днепропетровск, ДГУ, 1996. — С. 67—71.
- [6] *Шлейхер И.И.* Общественное движение немцев-колонистов в зеркале национальной прессы (1905—1907 гг.) // *Советские немцы: история и современность.* — М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. — С. 103—109.
- [7] *Шлейхер И.И.* Пособие по истории российских немцев (2-я половина XVII в. — начало XX в.), изд-во Международного союза российских немцев, еженедельник «Цайтунг фюр дих», Славгород, 1992.

- [8] *Arndt Nikolaus*. Die Deutschen in Wollhynien. Ein kulturhistorischer Überblick, Kraft Verlag Würzburg, 1994.
- [9] *Cornies Johann D.* Zuge aus seinem Leben und Wirken. — Ekaterinoslaw (Berdjansk), 1909.
- [10] *Stumpf Karl*. Die Auswanderungen aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862, Tübingen, Stumpp. s.a.1018.

CONFESSIONAL EDUCATION OF GERMAN COLONISTS IN SOUTHERN PARTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN XIXTH CENTURY

A.V. Miroshnichenko

National Technical University of Ukraine
Kiev Polytechnic Institute
Pobedy av., 37-20, Kiev, Ukraine

The specifics of educational and pedagogic activity of German colonists of different confessions (the Lutherans, Catholics and Mennonites) in the southern regions of the Russian Empire in the XIXth century was in preserving moral principles and traditions in the community and in the professional orientation of education. This orientation helped in training professionals who contributed much in the development of economics, science and culture despite the unstable political situation. In such a way, the pedagogic heritage of different peoples in the development of modern system of education will always remain actual.

Key words: confessional education, German colonists, colonist schools, managing educational and pedagogic process, the reorganization of educational establishments.